Петр Циткилов

Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-203-230

Peter Citkilov

The Influence of Religious Norms and Communal Traditions on the Social Image of the Soviet Family in the 1920s

Peter Citkilov — Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). petrcitkilov@yandex.ru

The article, based on archival and other documentary and sociological material, explores the influence of religious norms of life and communal traditions on the evolution of the Soviet family in the 1920s. A certain institutional stabilization of the family was the result of a turn of policies in support of traditional foundations, including the Church and communal norms of life. The attitudes of large groups of population towards these norms were ambiguous. Church's role was preserved in everyday life of the Soviet people: in baptisms, weddings, celebrating religious holidays, etc. The manifestations of the patriarchal forms of family were combined with new Soviet realities — the growth of women's employment, the emergence of new social institutions during the New Economic Policy (NEP). The period was thus the initial stage in the transformation of Russian classical patriarchal family into a Soviet patriarchal family.

Keywords: family, Church, community traditions, NEP, New Economic Policy, Soviet family, Russian patriarchal family.

В ПЕРИОД второй русской революции и годы гражданской войны основы классической патриархальной семьи были в значительной мере расшатаны. Следствием этого стало ослабление семейных устоев. Без их институциональной стабилизации нельзя было достичь успехов в преобразовании общества, включая осуществление новой экономической политики. Стране

тогда требовалось не только ускоренное восстановление народного хозяйства, но и индустриальное развитие, являвшееся экономической и технологической основой советской модернизации. Хотя масштабное строительство объектов крупного машинного производства началось в 1929 г., первый этап индустриализации — реконструкция и переоснащение многих металлургических и машиностроительных предприятий — стал осуществляться с 1926 года.

В 1920-е гг. в СССР путем проведения системных мер *удалось обеспечить институциональную стабилизацию семьи*. Это проявилось в создании системы социального обеспечения семьи с детьми, в правовом укреплении общих начал семейной собственности и обеспечении большего равенства между супругами, в признании крестьянского двора семейно-трудовым объединением, в сохранении в повседневной жизни народа религиозных норм прежней патриархальной семьи и общинных традиций. Именно последний фактор и стал основным объектом нашего исследования. Целесообразность рассмотрения двух его самостоятельных компонентов — религиозных норм и общинных традиций — объясняется не только тем, что именно они придали устойчивость всему процессу институциональной стабилизации семьи, но и явились важнейшими составными элементами новой семейной модели, начавшей формироваться в рассматриваемый период, то есть советской патриархальной семьи. Обстоятельный ее анализ уже стал предметом отдельного авторского исследования[1].

В условиях нэпа в стране наметился определенный поворот в сторону поддержки традиционных основ брака, включая церковные принципы семейно-брачной жизни. Сущностная их сторона во многом сохранялась, а субъектная видоизменялась. Кроме церкви все более влиятельными субъектами формирования семейных ценностей становились структуры советской власти, включая образовательные и культурно-просветительные учреждения, а также некоторые общественные организации. Как справедливо писала исследовательница А.В. Носкова,

> традиционные механизмы социального контроля над семейным поведением индивидов, которые сформировались в доиндустриаль-

1. *Циткилов П.Я.* Советская патриархальная семья в 1930-е годы // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2. С. 327–390.

ной России, были своеобразным образом трансформированы и продолжали существовать в советское время[2].

Нормы семейной морали, присущие православию, исламу и другим традиционным для страны религиям, не были отвергнуты советской властью. При этом сама религиозность не приветствовалась. Она признавалась явлением, «отвлекающим народ от созидательной деятельности». Органы власти тогда не сумели увидеть в церкви союзника в процессе мобилизации народа на трудовые свершения, в деле упрочения семейных ценностей, укрепления нравственности и духовности. В результате возникали проблемы устойчивости советской системы, периодически обострялась политическая борьба.

В целом отношение власти к религии в 1920-е гг. было противоречивым. Оно включало в себя политику давления на церковь, период конструктивного взаимодействия с нею, а затем возврат к административному ограничению деятельности духовенства, к преследованию его представителей.

Как справедливо полагают некоторые российские (В.А. Алексеев, А.А. Слезин) и зарубежные (Г. Фриз) авторы, весной-летом 1923 г. наметилась тенденция корректировки отношений советского государства к церкви в сторону большей терпимости. Этот поворот в политике многие исследователи не без основания характеризуют как религиозный нэп. Так, Грегори Фриз, профессор истории университета Брендайса (штат Массачусетс), в своих статьях и историографических обзорах констатировал, что в 1923 г. советская власть перешла в отношениях с церковью от конфронтации «к более сдержанной политике». По его мнению, тогда была «принята новая религиозная политика», являвшаяся «культурной частью новой экономической политики»[3]. Он полагает, что целью таких изменений было стремление власти преодолеть конфронтацию в обществе на религиозной почве, отдав приоритет проведению «просветительной работы, направленной на искоренение „суеверия“ в деревне». Характерно, что американский ученый, по сути дела, признает позитивный ре-

2. *Носкова А.В.* Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Автореф. дисс. докт. соц. наук. М.: Рос. гос. соц. ун-т. 2005. С. 33.

3. Freeze, G. (2017) “Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography”, *Russian history* 44: 14.

зультат религиозного нэпа 1920-х гг.: «Эта новая стратегия привела не к дехристианизации, а к религиозному возрождению»[4].

Следует отметить, что некоторые российские исследователи не разделяют мнение о религиозном нэпе в СССР применительно к середине 1920-х гг. и полагают, что это было лишь эпизодическое отступление от жесткой линии, мотивированное простым смещением приоритетов во внутренней политике или имиджевой кампанией накануне важных внешнеполитических шагов. Уважительно относясь к такому мнению, нельзя признать его убедительным.

Если религиозный нэп был бы лишь «простым смещением приоритетов» в политике советской власти, то он не привел бы к общему подъему религиозной жизни в стране, массовому возвращению верующих и духовенства в патриаршую церковь. На 1 января 1924 г. обновленческих приходов (без Америки, Белоруссии и Украины) насчитывалось 8389, а на 1 октября 1925 г. — еще больше: 9093. Однако на 1 января 1926 г. их оставалось 6135 и на 1 января 1927 г. — 3341[5]. Следовательно, за год и три месяца произошло сокращение обновленческих приходов почти в три раза. Соответственно, кратно увеличилось число приходов в патриаршей церкви.

Ряд авторов, включая доктора церковной истории священника Александра Мазырина, главной причиной смягчения отношения советской власти к религии считают репутационную мотивацию. В частности, этот исследователь полагает, что в середине 1920-х гг. советская власть «в условиях борьбы за международное признание пыталась улучшить свой имидж в глазах мировой общественности»[6]. С таким мотивом, как основным, трудно согласиться. Ведь активное развертывание политики религиозного нэпа осуществлялось с конца 1924 — начала 1925 г. до второй половины 1927 г., когда большинство ведущих стран мира уже признало РСФСР (СССР). Следует напомнить, что еще в июле 1923 г. СССР признали Германия, Иран, Турция, Польша и ряд дру-

4. Ibid., p. 15.

5. Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1, 1926. № 7(3), 1927. № 2(15); *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С. 287.

6. *Мазырин А., Филиппов А.* Советская власть vs Церковь // Православие и мир. 29.12.2012, [https://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee/, доступ от 29.10.2018].

гих стран, в феврале 1924 г. — Великобритания, Италия, Норвегия, Австрия, в марте 1924 г. — Греция, Швеция, а летом и осенью 1924 г. — Дания, Китай, Мексика, Франция и др.

Даже если фактор имиджа и имел значение, то он вовсе не являлся определяющей причиной перехода советской власти к конструктивным отношениям с церковью. Главными здесь были не конъюнктурные мотивы, а объективные обстоятельства. Во-первых, такой поворот в политике по отношению к церкви объяснялся стремлением советской власти сделать общественную систему более прочной и стабильной путем укрепления главной социальной опоры — союза рабочего класса и крестьянства, или, по-другому, жителей города и села. Ведь деревенское население в своем большинстве оставалось религиозным. И здесь представляется вполне обоснованной позиция известного российского специалиста по проблемам церковной жизни М.В. Шкаровского, который основной мотив для перехода к религиозному нэпу видел в «необходимости обеспечения экономической и политической стабильности в стране, укрепления смычки города с деревней, преимущественно религиозной»[7].

Во-вторых, это было стремлением советского руководства после чрезвычайных мер периода гражданской войны и страшного голода вернуться к изначальной линии большевистской партии по отношению к религии, определенной еще в 1903 г. II съездом РСДРП. Как известно, суть ее сводилась к требованию отделения церкви от государства и от школы, но при обеспечении «неограниченной свободы совести». Власть посчитала, что пришло время для более последовательной реализации такой свободы.

В-третьих, переходу к религиозному нэпу способствовало ослабление влияния радикального, антирелигиозного крыла в руководстве страны во главе с Л. Троцким. Этот аргумент приводят не только отечественные, но и некоторые зарубежные исследователи. Так, Ян Д. Тэтчер, профессор истории английского университета Брунеля, пишет, что «падение Троцкого ознаменовало триумф умеренного подхода в отношении к церкви»[8].

7. *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Учёные записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М.: Индрик, 2000. С. 31.

8. Thatcher, I.D. (2006) “Communism and Religion in Early Bolshevik Russia: A Discussion of Work Published Since”, *European History Quarterly* 36(4): 591.

Важно отметить, что религиозный нэп 1923-го — первой половины 1927 г. не следует понимать как политику полного отказа от практики закрытия церквей. В сравнении с предшествующим и последующим периодами истории в те годы было закрыто незначительное их число. Однако в ряде регионов страны в этот период были восстановлены и даже построены новые храмы, наблюдалось увеличение численности прихожан.

Предтечей религиозного нэпа можно считать освобождение из-под домашнего ареста патриарха Тихона, отказ от судебных процессов в отношении части духовенства и проч. В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) осудил практику «издевательства над предметами веры и культа», которая еще сохранялась на местах. Распущенные в 1922 г. религиозные общины получили возможность легализоваться. 3 апреля 1923 г. административный отдел НКВД издал циркуляр, запрещавший практику расторжения договоров с верующими без законных на то оснований и «произвольный захват молитвенных домов»[9].

Религиозный нэп получил свое развитие в 1925–1927 гг. Об этом свидетельствует некоторый рост численности прихожан, количества священнослужителей, появление новых церквей, возобновление богослужения в ранее закрытых храмах. Увеличение числа прихожан подтверждает религиозная статистика по различным городам страны. Например, в г. Вологде в 1923 г. членов приходских общин насчитывался 3551 человек, а в 1926 г. их стало 5105 человек[10].

В ряде епархий к концу 1927 г. удалось восстановить прежнее количество священнослужителей. Если в 1914 г. в украинских епархиях численность духовенства составляла 10 565 человек, то в 1927 г. — 10 657 человек[11], то есть она даже возросла за период религиозного нэпа.

В середине 1920-х гг. были построены и новые храмы. Например: церковь Флора и Лавра в Хредино Струго-Красненского района Псковской области (1925 г.), церковь Параскевы Пятницы в Великодворье Гусь-Хрустального района Владимирской области (1926 г.), церковь Успения Пресвятой Богородицы в Войново

9. *Слезин А.А.* Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов. // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 37–73.

10. *Спасенкова И.* Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды). Дисс. На соискание уч. ст. канд. ист. наук. Вологда, 1999.

11. *Фриз Г.Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 101.

Меленковского района Владимирской области (1926 г.), церковь Успения Пресвятой Богородицы в Щелково Кимрского района Тверской области (1926 г.)[12].

О подъеме религиозной жизни в середине 1920-х гг. свидетельствуют документы региональных архивов. Например, в селе Александровка Покровской волости Оренбургской губернии тогда началось строительство церкви, для этого среди прихожан проводился сбор средств. В селе Девятаевка той же волости также приступили к постройке церкви, при этом намеревались даже частично использовать помещение местной школы. В Никольском мужском монастыре, что около села Покровка, появились старцы, и в результате среди местного населения его авторитет стал быстро расти[13].

В годы религиозного нэпа была возобновлена служба в некоторых ранее закрытых храмах. Так, в известном Вышенском монастыре, что на Рязанщине, с 1925 г. вновь стали проходить богослужения в Христорождественской церкви[14]; службы здесь продолжались до 1938 г.

Не только возле Вышенского, но и около других монастырей (Воскресенского Новодевичьего в Ленинграде и др.) по-прежнему жили иноки и инокини. В непростых условиях монастырская жизнь продолжалась. Во многих селах и городах стали массово возникать «домашние» монастыри. По данным исследователей И.К. Смолича и А.Л. Беглова в тот период практически вся территория страны, особенно европейская часть России и Украина, оказалась покрыта сетью монастырей, в которых жили от 3-4 до 20-30 человек, а общее число насельников «домашних» монастырей по самым общим оценкам превышало 30 000 человек[15].

12. Храмы, построенные при советской власти // Движение активных людей. 30.06.2013 [http://www.dal.by/news/174/30-06-13-11/, доступ от 07.09.2017].

13. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 1. Оп. 1. Д.506. Л.10; *Никитин А.В.* Оренбургская епархия в 1922–1938 гг. // Страницы истории Оренбургской епархии / под. общ. ред. прот. Николая Стремского. Саракташ: Свято-Троицкая Симеонова Обитель Милосердия, 2014.

14. Успенский Вышенский монастырь. Выша, Рязанская область: Библиотека Вышенской пустыни, 2017. С. 26.

15. *Смолич И.К.* Русское монашество, 988–1917; Жизнь и учение старцев: Прил. к «Истории Русской Церкви»: пер. с нем. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997. С. 563; *Беглов А.Л.* Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920–1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1(35). С. 138–155.

Организационной формой выражения радикальных настроений части общества по отношению к церкви стало создание общественной организации — *Союза безбожников* (1925 г.), который был призван активизировать антирелигиозную пропаганду. В первое время функционирования этой организации в ее деятельности преобладала «умеренная линия», выражавшаяся в информационной и «просветительской» работе. Оскорбительные и хулиганские выпады ее членов в отношении верующих были редкими. Ситуация стала меняться в худшую сторону в конце 1920-х гг., когда в обществе вновь стало нарастать гражданское противостояние.

Во второй половине 1927 г. и особенно в период хлебозаготовительного кризиса 1928 г. обострилась политическая борьба. Реальностью стало общественное противостояние, усилившееся в 1929 г. Начав наступление на зажиточную часть деревни, государство оказалось в ситуации, близкой к гражданской войне. Административные меры коснулись и большого количества середняцких семей, которых поддержала значительная часть священнослужителей.

В некоторых приходах стали звучать антисоветские проповеди. Соответственно, участились антирелигиозные акции. 8 апреля 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», которое запрещало церковным организациям просветительную и благотворительную деятельность. В сфере налогообложения этот закон приравнял священнослужителя к кулаку, установив постоянно повышающуюся ставку налога на прибыль.

Наряду с экономическим началось и административное давление на церковь. Стали массово закрываться монастыри и храмы. В 1928 г. были закрыты Саровский и Дивеевский монастыри, Мамонтова пустынь на Тамбовщине и многие другие обители. В 1929 г. прекратили свою деятельность Покровский монастырь возле Москвы, псковские монастыри, Свято-Георгиевский Балаклавский мужской монастырь вблизи Севастополя, известный в России Задонский Богородицкий мужской монастырь и др.

В 1928 г. православная церковь имела более 30 000 приходов. В 1929 г. было закрыто 1119 храмов. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 г. оставалось 224, а через два года — только 87 церквей. В Рязанской епархии было закрыто 192 прихода, в Орле в 1930 г. не осталось ни одной православной церкви[16].

16. *Цыпин В.,* протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. С. 92.

В 1929 г., в условиях постепенного сползания страны в состояние гражданской войны, Союз безбожников был централизован и переименован в «Союз воинствующих безбожников»[17]. Его наиболее радикальные члены видели в религии «реакционную идеологию» и предлагали «административно запретить церковь». В то же время такой подход был чужд многим членам этой организации, которые «воевали» не столько с религией, сколько с массовой безграмотностью и необразованностью. Поэтому неудивительно, что в одной из статей журнала «Антирелигиозник» радикалистские суждения рассматривались как «белогвардейская провокация»[18].

Следует отметить, что антирелигиозная деятельность воинствующих безбожников зачастую имела формальный характер, а их акции проводились ради отчетности и не оказывали существенного влияния на уровень религиозности советских людей. Эту особенность подметили и некоторые зарубежные авторы. Так, Хизер Джон Коулман справедливо утверждал, что следует «задуматься о том, в какой степени большевикам действительно удалось построить «атеизм» в Советском Союзе»[19]. В одной из своих статей он ссылается на работы Даниэля Периса, Гленниса Янга и др., которые пришли к выводу, что Союз воинствующих безбожников — организация, являвшаяся «официальным выражением советского атеизма» — в 1920-е и 1930-е гг. имела слабую внутреннюю структуру и находилась в состоянии «постоянного организационного кризиса». Эту организацию Даниэль Перис, опираясь на архивные материалы, сравнивал «с потемкинским фасадом»[20]. С этим трудно не согласиться.

Противоречивый характер отношения власти к религии был связан не только с идеологическими установками, но и особенностями восприятия церкви широкими слоями народа, которое в рассматриваемый период было неоднозначным. Часть совет-

17. *Курляндский И.А.* Ужесточение большевистских гонений на религию во второй половине 1920-х гг. Основные черты явления. Доклад на научно-политической конференции в Государственной Думе «Роль большевиков и их лидеров в разрушении национального единства в России», 26.06.2013 // Русская линия [https://rusk.ru/st.php?idar=61688, доступ от 03.03.2018].

18. Союз воинствующих безбожников СССР, 04.11.2013. [http://kritix.ru/religion-and-atheism/87-soyuz-voinstvuyushchikh, доступ от 28.11.2018].

19. Coleman, H.J. (2000) “Atheism versus Secularization? Religion in Soviet Russia, 1917–1961”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1(3): 547–558.

20. Ibid.

ских людей негативно относилась к духовенству, воспринимая его исключительно как защитника старых порядков, однако многие из них сохраняли в душе веру в Бога, ассоциируя ее со вселенской правдой — для них строительство нового общества было практической, земной стороной божественного. Другая часть советского народа, особенно сельские жители, оставались церковными людьми: они регулярно молились, исполняли церковные обряды и верили, что Бог поможет им и их семьям достичь благополучия и успехов в созидательном труде на благо страны.

Для массового сознания 1920-х гг. было характерно *сочетание* религиозных и антирелигиозных начал. У многих представителей духовенства длительная эпоха крепостничества, состояние бесправия широких слоев населения в царской России не вызывали критического восприятия. Несогласие масс с такой позицией духовенства порождало антирелигиозные настроения, усилившиеся в период революции и гражданской войны. Но эти настроения не затрагивали глубинные, сакральные основы духовного мира народа. В основной своей массе он сохранял веру в Бога как в высшее выражение праведности и милосердия. Такая двойственность мировосприятия получила выражение в творчестве ряда выдающихся писателей и поэтов периода 1920-х гг., одним из которых был С.А. Есенин.

В стихотворении «Мне осталась одна забава...» (1923) великий поэт хорошо передал сложный духовный мир нашего народа, оттенки его религиозного сознания. Внутренний бунт против религиозной покорности он выразил в известных словах: «Стыдно мне, что я в Бога верил». Кроме того, ему казалось, что религиозные запреты и условности сдерживают полет души, не позволяют «ярко гореть». Такой подход может показаться странным и даже малопонятным с позиций рационального мировосприятия, но русская душа (в широком, неэтническом смысле) соткана из противоречий, из желаний, говоря словами Есенина, «ласкать и корябать», быть покорным и неистовым, сочетать восторг от божественной благодати с сомнениям, веру в себя и в Бога. Поэтому у Есенина вслед за строкой «Стыдно мне, что я в Бога верил» следует строка «Горько мне, что не верю теперь».

Антирелигиозные настроения многих советских людей представляли собой лишь эмоционально окрашенное выражение протеста по отношению к внешней стороне веры, связанной с позицией некоторых представителей духовенства, с храмовым излишеством и др. Однако в народной толще внутреннее, са-

кральное восприятие религии как части духовного мира сохранялось. И понятными тогда становятся завершающие строки стихотворения «Мне осталась одна забава...»:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать[21].

В повседневной жизни советских людей в 1920-е гг. сохраняли силу церковные нормы и семейные обряды. Основными из них были: крещение и отпевание; венчание; запрет на вступление в брак во время постов; проведение религиозных обрядов в сфере сельскохозяйственного производства (молебны на полях и проч.); признание как нормы верховенства мужа в семье; почитание религиозных праздников (Рождество, Пасха) и др.

В годы нэпа оставались распространенными у населения крещение и отпевание. Как отмечают некоторые исследователи, в Москве в конце 1920-х гг. крестили и отпевали 50–60% жителей города[22]. Эти религиозные обряды сохранялись и во многих регионах страны. Например, в г. Архангельске за октябрь — декабрь 1924 г. родилось 644 человека, обряд крещения был проведен в 362 случаях (56%); из 291 случая смерти похороны по религиозному обряду прошли 158 раз (54%)[23].

Хотя церковные браки перестали быть официальными и обязательными, сама эта процедура не запрещалась. Венчание в церкви, крещение детей властью не поощрялись, однако им и не чинили явных препятствий. Тот, кто хотел быть обвенчанным, делал это без афиширования. Таким же образом крестили детей. Регистрация брака в органах ЗАГС превышала численность церковных регистраций, но вовсе не в разы. Так, в Донском округе Северо-Кавказского края в 1926 г. количество государственных

21. *Есенин С.А.* Мне осталась одна забава... [http://esenin.eu/mne-ostalas-odna-zabava/, доступ от 01.05.2017].

22. *Губкин О.* Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб: Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия, 2006.

23. *Михайлов С.* Государственная антицерковная политика в Архангельской губернии (1920-е годы) // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников земли Архангельской. 26.11.2005 [http://arhispovedniki.ru/library/research/1332/, доступ от 06.09.2017].

регистраций брака превышало количество церковных регистраций менее чем на 50%[24]. За последние три месяца 1924 г. в г. Архангельске из 246 зарегистрированных браков 37 молодых семей (15%) были обвенчаны священником[25]. Это данные по городу. В сельской местности этот процент был намного выше. По той же Архангельской губернии из 264 коллективов верующих, сохранивших верность канонической Церкви, и 690 молитвенных православных зданий 247 групп верующих и 659 храмов располагались именно в деревнях (данные 1927 г.)[26]. Таким образом, численность церковных браков оставалась значительной. Нередко гражданская регистрация брака сочеталась с венчанием.

В 1920-е гг. во многих семьях соблюдался религиозный запрет на вступление в брак во время постов. В период рождественского и великого постов регистрировалось наименьшее число браков из общего их числа. Например, в Краснодаре до начала рождественского поста в конце ноября 1926 г. заключалось до 30 браков в день, а во время поста — не более двух-трех ежедневно[27].

Устойчивой тенденцией рассматриваемого периода было значительное увеличение доли женщин в числе прихожан. Если в 1923 г. в приходских общинах, например г. Вологды, мужчины составляли 51,2% (женщины — 48,8%), в 1926 г. — 41,8% (женщины — 58,2%), то в 1930 г. — 25,1% (женщины — 74,9%)[28]. Именно женщина все более становилась хранительницей церковных традиций.

Немалое количество верующих было среди представителей учащейся и студенческой молодежи. В 1928 г. 40% выпускников школ, проживавших в Москве, признавали себя верующими[29]. В регионах этот процент был еще выше. Например, в Ростове-на-Дону на конференции местного отделения Союза безбожни-

24. Донское окружное административное совещание // Молот (орган Северо-Кавказского и Донского окружного комитетов ВКП (б) и Донокрисполкома). 25.03.1926.

25. *Михайлов С.* Государственная антицерковная политика в Архангельской губернии (1920-е годы).

26. Там же.

27. *Беликова Н.Ю.* Изменение традиции регистрации брака в первые годы советской власти // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции. В 2 частях. Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 228.

28. *Спасенкова И.* Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. На материалах Вологды.

29. *Губкин О.* Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы.

ков (февраль 1929 г.) его активисты признавали, что в их городе «больше половины студенчества верит в Бога»[30].

Религиозные традиции, связанные с сельскохозяйственной деятельностью, соблюдались во многих крестьянских семьях. Так, осенью 1925 г. в Вятской губернии произошло распространение озимого червя. Местные священнослужители по просьбам крестьянских семей отслужили на полях молебны[31]. Для того, чтобы Бог послал дождь, в крестьянских семьях молились святому Илье, а для приплода домашнего скота — Флору или Егорию. Когда в течение продолжительного времени не было дождей, а на полях появлялось много вредителей, некоторые крестьянские семьи обращались не к агрономам, а к священникам: их приглашали провести молебны на полях.

Несмотря на правовое равенство супругов, в советском обществе сохранялась патриархальная традиция особой роли и ответственности мужа в семье. Это подтверждают материалы Всесоюзной переписи 1926 г., в ходе проведения которой почти всегда главой семьи жены называли мужей[32]. Следовательно, в общественном сознании и быту сохранялась религиозная норма верховенства мужа в семье.

Многие советские люди продолжали отмечать основные религиозные праздники. Некоторые из них (например Рождество) могли попасть на рабочий день, и в таком случае часть верующих граждан была вынуждена отпрашиваться с работы или прогуливать рабочее время.

Определенное влияние на облик советской семьи в 1920-е гг. оказывали общинные традиции. В частности, сельская община участвовала в решении бытовых и иных насущных вопросов крестьянских семей. В то время продолжали действовать общинные сходы, которые часто именовались общими собраниями домохозяев сельских обществ. На них присутствовали представители дворов соответствующего селения. Созывались такие сходы активом общины или группой заинтересованных сельчан. На них, наряду с вопросами землепользования, налогообложения, рас-

30. *Фетисов М.* Ухабы студенческого быта // Молот (орган Северо-Кавказского крайкома и Донкама ВКП (б), крайисполкома, Донисполкома и крайсовпрофа). 28.02.1929.

31. *Слезин А.А.* Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов.

32. *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

сматривались и вопросы благоустройства территории сельской общины, помощи семьям односельчан, нуждавшихся в поддержке, помощи местным учителям, приходскому священнику.

Действовал в нэповской деревне и общинный суд. Материал для его заседаний предоставляли десятские, именуемые в некоторых регионах страны общинными «дежурными». Они на уровне села занимались предупреждением правонарушений. Кроме того, сельсоветы могли назначать и сельских исполнителей. Через председателя сельсовета они информировали милицию о правонарушениях. Таким образом обеспечивалось конструктивное взаимодействие общественных структур с официальными правоохранительными органами. В определенной мере это были элементы, говоря современным языком, гражданского общества в советских условиях.

Работа общинного суда позволяла, без привлечения работников внутренних дел и прокуратуры, выносить решения о наказаниях для провинившихся односельчан. Например, в Тульской губернии в 1920-е гг. на заседаниях такого суда выносились решения по таким провинностям, как конокрадство и другие кражи, гадание, ворожба и др.[33] Мерами судебного наказания в основном были предупреждение и выговор. В крайнем случае, общинный суд мог принять решение об изгнание из села, однако в таком случае человек все же оставался на свободе, что ограждало его семью не только от продолжительного общественного осуждения, но и от материальных трудностей, связанных с нахождением кормильца семьи в заключении.

Традиционные семейные ценности, формировавшиеся в общинной среде, были связаны с верой, с религиозной обрядностью. Во многих губерниях крестьяне, следуя давней традиции, обеспечивали продуктами и деньгами приходское духовенство, уважительно относились к странствующим проповедникам. Судя по документальным материалам, крестьянские общины, например, в Тульской губернии становились на защиту церковных зданий, икон и других религиозных атрибутов[34].

Проявления патриархальных устоев семьи (действие религиозных норм и исполнение обрядов в повседневной жизни, общинные традиции и др.) в годы нэпа сочетались с советскими

33. *Федотов А.В.* Крестьянская община в Тульской деревне периода нэпа (1921–1928 гг.). Автор. дисс... канд. ист. наук. Тула: ТГПУ, 2011.

34. Там же.

реалиями семейного бытия (ростом женской трудовой занятости, появлением новых общественных структур, заботившихся об устойчивости семьи). Массовая практика открытия дошкольных детских учреждений, повсеместное появление женских консультаций создавали условия для более широкой занятости женщин на производстве и их участия в общественной деятельности.

При формировании сети детских дошкольных учреждений в городах использовался преимущественно отраслевой принцип. Наряду с органами власти к решению этой проблемы были активно подключены и общественные структуры (профсоюзы, женотделы и др.). Так, в первом квартале 1924 г. в г. Ростове-на-Дону были открыты 2 садика-яслей для детей, родители которых относились к производственным и профессиональным объединениям «Печатник» и «Пищевкус». Каждое из учреждений было рассчитано на 40 детей[35]. В том же году в городе появились еще два отраслевых детских учреждения — ясли для детей транспортников и ясли для детей работников Асмоловской табачной фабрики.

В сельской местности организовывались в основном летние детские ясли. Их открытие органы советской власти и общественные организации рассматривали как начальный этап создания системы детского дошкольного воспитания в крестьянской среде с последующей трансформацией таких сезонных заведений в круглогодичные.

Массовое появление детских садов и садов-яслей стало возможным и благодаря коллективной солидарности, которая во многом была характерна для формировавшейся в 1920-е гг. модели советской патриархальной семьи. Выражением такой солидарности являлась практика добровольных отчислений на эти цели однодневных заработков. Например, чтобы ускорить создание яслей при Асмоловской табачной фабрике Ростова-на-Дону, на собрании ее трудового коллектива в 1924 г. было принято решение перечислить для этого однодневный заработок[36].

35. План работы среди женщин инструктора Донского совета профессиональных союзов на январь — март 1924 г. Протоколы заседаний коллегии Донженотдела, совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок, заседания комиссии по проведению международного дня работницы восьмого марта. Донской областной комитет РКП(Б) // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 2а.

36. Содоклад тов. Ясиновской о профработе при рассмотрении вопроса о Донженотделе (итоги и перспективы). Протокол 10-го областного совещания завокруженотделами, 8–10 декабря 1924 г. Протоколы заседаний коллегии Донженотдела, совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок. Донской областной комитет РКП(Б) // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 35в.

Более широкое, чем прежде, привлечение женщин в общественное производство далеко не всегда встречало понимание и поддержку со стороны мужской части населения. Особенно остро эта проблема стояла в сельской местности, где патриархальные традиции были более прочными. Иногда местные сельсоветы препятствовали открытию и функционированию детских яслей. Например, в кубанской станице Должанской в 1926 г. местные жители внесли в наказ новому станичному совету требование закрыть их[37]. Негативное отношения к детским яслям объяснялось позицией тех глав сельских семей, которые не без основания полагали, что не ясли должны стать местом ухода за маленьким ребенком, особенно грудного возраста: по их мнению, делать это должна мать, находясь в своем доме.

У части женщин порой возникали опасения в связи с характером воспитания их детей в дошкольных учреждениях. Сохранились документы, красноречиво подтверждающие это. Одна женщина из станицы Прохладной Северо-Кавказского края свои сомнения по данному поводу высказывала следующим образом: «Да ребенка там испортят, коммунистом его сделают»[38]. Однако вскоре она все же решилась отдать своего ребенка в детские ясли. Эта женщина воочию увидела заботу здешних воспитателей о нем, чистоту, в которой содержали малыша, и после этого она стала даже уговаривать других мам отдавать детей в дошкольные заведения.

У некоторых женщин страхи отдавать своих детей в ясли были связаны и с религиозно-обрядовым фактором: они полагали, что здесь ребенка «могут отлучить от Бога», «снять с него нательный крест» и др. Эти опасения в основном были преодолены в массовом женском сознании на рубеже 1920–1930-х гг. По данным историка М.И. Мирошниченко, которая исследовала этот вопрос на примере Уральского региона, отказы со стороны матерей отдавать детей в ясли наблюдались вплоть до 1929 г.[39]

37. *Шен.* По тернистому пути // Молот (орган Северо-Кавказского и Донского окружного комитетов ВКП (б) и Донокрисполкома). 7.03.1926.

38. См.: *Ремезова.* Детские ясли в деревне // Труженица Северного Кавказа, печатный орган Отдела Сев.-Кав. Краевого комитета РКП (б) по работе среди работниц, крестьянок и горянок. 1925. № 6–7. С. 32.

39. *Мирошниченко М.И.* Женщины на Урале в 1920-е гг. — середине 1930-х гг.: структура социума, мировоззрение, деятельность. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Челябинск: Южн.-Урал. гос. ун-т. 2016. С. 35.

В нэповский период возрастало использование женского труда на производстве, но происходило это постепенно, без разрушения традиционного семейного уклада. Данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. свидетельствуют, что процент работающих женщин повышался в их молодые годы (до 20 лет, 20 лет — 24 года), а в возрастах 24 года и старше, с появлением детей, когда на молодую мать увеличивались нагрузки в связи с семейными обязанностями, он снижался[40]. В бездетных семьях удельный вес работающих женщин также был небольшим.

Активной производственной и общественной деятельностью занимались в основном мужчины. К началу 1930-х гг. доля женщин по отношению ко всем рабочим страны составляла немногим более трети: если в 1923 г. — 28,1%, то в 1932 г. — 33% от всех занятых трудовой деятельностью на производстве[41].

Трудно согласиться с мнением отдельных авторов (И.В. Алферова и др.), что советская власть активно привлекала женщин на общественное производство вопреки экономической необходимости[42]. Реалии жизни были таковы, что, например, после гражданской войны с ее преимущественно мужскими потерями женщины во многих регионах страны были вынуждены взять на себя управленческие функции в целом ряде производственных сфер. Так, в 1924 г. 60% сельских хозяйств Донской области управлялись женщинами[43]. Экономическая необходимость потребовала более широкого участия женщин в процессах модернизации страны, включая грандиозное индустриальное строительство и масштабные преобразования на селе. Открывались тысячи новых промышленных предприятий и создавались десятки тысяч сельских хозяйств, использовавших машинную технику. Усилиями лишь мужчин все это созидать было бы невозможно.

40. *Араловец Н.А.* Семейные ценности городских жителей России в XX в. // Труды Института российской истории. Вып. 9 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.; Тула, 2010.

41. *Киселёв А.* Международный женский день и задачи работниц и колхозниц Союза ССР // Власть Советов, ежедекадный журнал Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1933. № 6. С. 6.

42. *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб: С.-Петерб. гос. ун-т. 2011. С. 18.

43. Доклад т. Штиллера. О кооперации. Протокол 10-го областного совещания завокруженотделами, 8–10 декабря 1924 г. Протоколы заседаний коллегии Донженотдела, совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок. Донской областной комитет РКП(Б) // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 38.

Как свидетельствуют социологические исследования того периода, далеко не всегда участие женщины на производстве давало ее семье экономическую выгоду. Поэтому здесь важную роль играла общественная потребность, а также желание женщины полнее реализовать себя как личность. В этой связи научный интерес представляют материалы исследования повседневной жизни советских семей, особенностей рабочего быта, которое проводилось в 1920-е г. известным ученым-экономистом С.Г. Струмилиным. На основе анкетного опроса было выявлено, что, например, в семьях рабочих-текстильщиков жена, работающая на фабрике, своим приработком добавляла к семейному бюджету меньше, чем в тех семьях, где она все свое время полностью посвящала ведению домашнего хозяйства. Как писал Струмилин, без учета домашнего труда совершенно немыслимо составить себе представление об условиях и общественной стоимости воспроизводства рабочей силы[44]. Таким образом, в 1920-е гг. важным мотивом активного участия женщин в производственной деятельности был не только материальный, но и социально-психологический фактор. Смысл его заключался в стремление женщин обрести большую самостоятельность, возможность самореализации, получить определенное общественное признание.

Отдельные авторы полагают, что оборотной стороной увеличения использования женского труда на производстве явился рост, прежде всего, женской безработицы. Вряд ли правомерно видеть в этом прямую зависимость. Если политика широкого привлечения женщин в общественное производство имела объективный и долговременный характер, связанный с необходимостью модернизации страны, то рост безработицы был относительно временным явлением, определенной издержкой нэповской политики. Органы советской власти в меру своих возможностей пытались в 1920-е гг. минимизировать негативные последствия безработицы. Во-первых, профсоюзам в то время были предоставлены широкие полномочия по защите интересов наемного работника и в особенности женщин. Как свидетельствуют архивные материалы, профорганизаторы трудовых коллективов были обязаны отслеживать и разбирать каждый случай увольнения женщин по сокращению штатов[45]. Во-вторых, безработных жен-

44. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

45. Протокол совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок от 24–26 апреля 1924 г. Протоколы заседаний коллегии Дон-

щин не имели право лишать жилья (общежития), которое они получали, когда работали на предприятии. В-третьих, для безработных женщин во многих регионах страны создавались убежища, говоря современным языком, адаптационные центры, которые обычно располагались в общежитиях. Безработные женщины получали возможность не только проживания, но и трудоустройства в мастерских (пошивочных и др.), организуемых здесь же[46]. Кроме того, для трудовой занятости безработных женщин использовались и общественные работы, которые в рассматриваемый период значительно активизировались в сельской местности с началом полевых работ.

Возвращаясь к вопросу об увеличении в 1920-е гг. численности женщин, включенных в общественное производство, следует заметить, что следствием этого в определенной мере стал рост их представительства в местных органах власти — сельских советах. Например, по Северо-Кавказскому краю в 1924 г. участие женщин в сельсоветах составляло 10,4%, а в 1925 г. — 16,7%[47]. Данная тенденция была характерна и для второй половины 1920-х гг.

По мнению некоторых зарубежных и российских исследователей, за 1920-е гг. в СССР произошла утрата главенствующей роли отца в семье. Его якобы заменило в этом качестве советское государство. Как полагают Джонни Родин и Пелле Аберг, зримыми проявлениями главенства государства в семье стали «впечатляющий рост числа дошкольных учреждений» и «невозможность выполнять мужчиной роль естественного кормильца семьи» из-за отмены права частной собственности[48]. Эта аргументация не представляется убедительной. Реалии таковы, что в рассматриваемый период важная роль отца в советской семье сохранялась: он продолжал быть ее кормильцем, и на это существенным образом не влиял вопрос собственности. Доля мужчин, занятых на производстве, была тогда преобладающей (67%

женотдела, совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок. Донской областной комитет РКП(Б) // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 23б.

46. Там же.

47. Итоги весенних перевыборов и довыборов сельсоветов по Северо-Кавказскому краю. Материалы о выборах, сводки, сведения, доклады и другое в 1925 году. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого совета депутатов трудящихся // ГАРО. Ф.Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 18.

48. *Джонни Р., Пелле А.* Отцовство сквозь время и пространство с акцентом на России, 2014 [http://issuu.com/m-library/docs//22, доступ от 23.09.2017].

по данным на начало 1933 г.[49]). Кроме того, на селе прочно сохранялись патриархальные традиции, была сильна приверженность многих семей религиозным нормам повседневного быта, одна из которых — главенство мужа в семье.

Следует напомнить, что в дореволюционной России, когда частная собственность не была под запретом, основная масса крестьян страдала от малоземелья и не имела в собственности наделов, которые позволяли бы вести производительное хозяйство. Они продолжали нести различные повинности. Большое количество крестьян из-за бедности и безысходности вынуждена была кормиться за счет батрачества. Глава такой семьи зачастую не мог рассчитывать на свой доход для обеспечения семьи.

В период второй русской революции и сразу после нее советская власть реализовывала эсеровскую программу социализации земли. Это позволило увеличить число середняцких хозяйств. Однако беднота по-прежнему оставалась преобладающей частью деревни, что актуализировало задачу аграрных преобразований в стране. В середине 1920-х гг. в советской России малоимущие и беспосевные хозяйства составляли от 68 до 64 процентов. К средним хозяйствам относилась тогда четверть. А количество зажиточных хозяйств было на уровне 9%[50]. Последние с утратой частной собственности на землю лишались привилегированного права обогащения за счет труда других. И если считать такую жизнь «естественным кормлением семьи», то они ее действительно стали утрачивать.

Что касается роста численности дошкольных детских учреждений, то делалось это вовсе не для того, чтобы ущемить права мужчины в семье, а для того, чтобы создать условия для более активного привлечения женщины к общественному труду. Это во многом соответствовало ее настроениям и стремлению к реализации себя как личности. Более того, женщин никто не принуждал отдавать ребенка (детей) в детские дошкольные учреждения. Как свидетельствуют документальные материалы, многие женщины изначально с настороженностью относились к их открытию. Отдавать туда детей они стали лишь после того, когда видели в этом целесообразность, а также получали согласие со стороны

49. *Киселёв А.* Международный женский день и задачи работниц и колхозниц Союза ССР.

50. *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927 гг. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1927. С. 156–157.

мужа. Мужчины — главы семей, будучи в большинстве в сельских советах, могли настоять на закрытии таких учреждений, что в отдельных регионах (Кубань) и происходило. Поэтому нельзя согласиться с суждением «об оттеснении советским государством мужчины от семьи»[51].

Другое дело, что в советский период менялся характер трудовой занятости членов семьи, особенно на селе. Если раньше почти все домочадцы были задействованы в обработке общего земельного надела (глава семьи тогда выступал не только в роли супруга и отца, но и руководителя семейного производственного коллектива), то по мере развития кооперации и создания коллективных сельских хозяйств производственная деятельность мужчин вышла за рамки семьи. Это был объективный процесс, который в той или иной мере был характерен для многих стран. Именно он явился экономической предтечей постепенного перехода к новой — эгалитарной — модели советской семьи.

Стали уходить в прошлое иллюзорные представления об обеспечении свободы в сфере семейных отношений путем отказа государства от политики регулирования рождаемости, разрешения всем женщинам бесплатно делать аборт и др. В 1926 г. было запрещено делать аборт женщинам, забеременевшим впервые или перенесшим эту операцию менее полугода назад. Стала широко распространяться информация о вреде аборта для женского организма. Такая политика во многом соответствовала религиозным нормам и традициям семейной жизни.

В период нэпа сохранялось влияние различных общественных структур на семью с целью поддержания ее устойчивости и благополучия. Следует напомнить, что в дореволюционной России эту функцию зачастую выполняли церковный приход и крестьянский мир (община), которые обладали полномочиями воздействовать на нерадивого супруга или родителя.

В 1920-е гг. появились новые общественные органы, которые были призваны защищать интересы семьи, содействовать ее сохранению и нормальному жизнеобеспечению. К ним можно отнести: сельский (поселковый) совет, комсомольский и партийный комитеты, собрание трудового коллектива и др. С целью оказания помощи женщине-труженице в отстаивании ее прав, защиты ее

51. *Циткилов П.Я.* Советская семья в довоенный период: историко-социологический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. С. 108.

чести и достоинства на районном уровне были созданы женские отделы. Нередко их представители — женорганизаторы — первыми приходили на помощь женщинам, ущемленным в правах или подвергшимся семейному насилию.

Несмотря на сложности и противоречия в осуществлении семейной политики, в период нэпа государству удалось достичь определенной институциональной стабилизации семьи. Стали улучшаться качественные параметры жизни, включая средний рост ее ожидаемой продолжительности. Если в 1896–1897 гг. этот показатель для мужчин составлял 29,43 лет, для женщин — 31,69, а в целом 30,54 лет, то в 1926–1927 гг. этот показатель по России составил для мужчин — 40,23 лет, для женщин — 45,61 лет, а в целом — 42,93 года. Следовательно, увеличение составило почти 12 лет[52].

Наша страна в 1920-е годы наращивала свой численный потенциал, приближаясь к величине внутреннего рынка достаточного для производства всего комплекса современного по тем временам машиностроения. Если в 1922 г. численность населения СССР составляла 136,1 млн человек, то в 1926 г. — около 147 млн, а в 1940-м году равнялась 194,1 млн [53]. Ёмкий внутренний рынок был привлекателен для западного капитала, поставлявшего нам оборудование для машиностроения, несмотря даже порой на неодобряемую позицию своих правительств.

Показателем институциональной стабилизации семьи к концу 1920-х гг. было усиление по сравнению с первыми годами советской власти роли семейных ценностей в общественном сознании, и характерно это было не только для жителей села, но и для городского населения. Подтверждением этого служит тот факт, что рост числа рабочих семей тогда обгонял рост рабочего класса в целом[54].

Таким образом, в 1920-е гг. происходила постепенная трансформация российской классической патриархальной семьи в иную модель — советскую патриархальную. Этот процесс про-

52. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 164.

53. Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил. стат. ежегодник/ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 9; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. 1928. Т. 9. С. 34–51, 1929. Т. 17. С. 8–25.

54. *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления.

должался и позже. Патриархальный характер советской семьи в решающей степени определялся именно сохранением влияния религиозных норм жизни и общинно-коллективных традиций на ее социальный облик. В реальной жизни классическая патриархальность трансформировалась из жестко иерархической семьи в семейную структуру с приоритетами принципов солидарности и супружеского равноправия. Именно такая модель семьи была наиболее адекватной для решения задач советской модернизации. Как верно полагает исследовательница М.В. Михайлова, в рассматриваемый период сформировался такой уникальный тип социокультурных представлений о советской семье и быте, который обеспечивал высокую жизнеспособность, адаптивность советской семьи и человека, их способность выживать и действовать в самых сложных условиях[55].

Традиционные взгляды на семью и женщину оставались в нашей стране прочными, особенно у крестьянского населения, которое тогда численно преобладало. Советскую патриархальную семью отличало и постепенное утверждение некоторых эгалитарных аспектов семейного уклада (активное вовлечение женщин в общественное производство и др.), а также усиление чувства солидарности. Однако важнейшим ее признаком все же было доминирование традиционных норм семейной жизни при сохранении в повседневной жизни религиозных ценностей и общинных традиций.

Библиография / References

Источники

Есенин С.А. Мне осталась одна забава... [http://esenin.eu/mne-ostalas-odna-zabava/, доступ от 01.05.2017].

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Ф.Р-1485.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Ф. Р-2565.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Ф. 4.

Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО).

Ф. 1.

55. *Михайлова М.В.* Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2003. С. 15.

Газета «Молот» — орган Северо-Кавказского и Донского окружного комитетов ВКП (б) и Донокрисполкома. 07.03.1926, 25.03.1926.

Газета «Молот» — орган Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП (б), крайисполкома, Донисполкома и крайсовпрофа. 28.02.1929.

Журнал «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» — центральный печатный орган обновленческого синода. 1925. № 1, 1926. № 7(3), 1927. № 2(15).

Журнал «Власть Советов» — ежедекадное печатное издание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1933. № 6. С. 5–8.

Журнал «Труженица Северного Кавказа» — печатный орган Отдела Сев.-Кав. Краевого комитета РКП (б) по работе среди работниц, крестьянок и горянок. 1925. № 6–7. С. 32.

Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Финансы и статистика, 1998.

Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил. стат. ежегодник/ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. переписи. 1928. Т. 9. С. 34–51, 1929. Т. 17. С. 8–25.

Литература

Алфёрова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб: С.-Петерб. гос. ун-т. 2011.

Араловец Н.А. Семейные ценности городских жителей России в XX в. // Труды Института российской истории. Вып. 9 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.; Тула, 2010.

Беглов А.Л. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920–1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1(35). С. 138–155.

Беликова Н.Ю. Изменение традиции регистрации брака в первые годы советской власти // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции. В 2 частях. Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 227–229.

Большаков А.М. Деревня 1917–1927 гг. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1927.

Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1, 1926. № 7(3), 1927. № 2(15).

Губкин О. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб: Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия, 2006.

Джонни Р., Пелле А. Отцовство сквозь время и пространство с акцентом на России, 2014 [http://issuu.com/m-library/docs//22, доступ от 23.09.2017].

Курляндский И.А. Ужесточение большевистских гонений на религию во второй половине 1920-х гг. Основные черты явления. Доклад на научно-политической конференции в Государственной Думе «Роль большевиков и их лидеров в разрушении национального единства в России», 26.06.2013 // Русская линия [https://rusk.ru/st.php?idar=61688, доступ от 03.03.2018].

Мазырин А., Филиппов А. Советская власть vs Церковь // Православие и мир. 29.12.2012, [https://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee/, доступ от 29.10.2018].

Мирошниченко М.И. Женщины на Урале в 1920-е гг. — середине 1930-х гг.: структура социума, мировоззрение, деятельность. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Челябинск: Южн.-Урал. гос. ун-т. 2016. С. 35.

Михайлов С. Государственная антицерковная политика в Архангельской губернии (1920-е годы) // Виртуальный музей Новомучеников и исповедников земли Архангельской. 26.11.2005 [http://arhispovedniki.ru/library/research/1332/, доступ от 06.09.2017].

Михайлова М.В. Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2003.

Никитин А.В. Оренбургская епархия в 1922–1938 гг. // Страницы истории Оренбургской епархии / под. общ. ред. прот. Николая Стремского. Саракташ: Свято-Троицкая Симеонова Обитель Милосердия, 2014.

Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Автореф. дисс. докт. соц. наук. М.: Рос. гос. соц. ун-т. 2005.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления.

Слезин А.А. Советское государство против религии: «оттепель» середины 1920-х годов. // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 37–73.

Смолич И.К. Русское монашество, 988-1917; Жизнь и учение старцев: Прил. к «Истории Русской Церкви»: пер. с нем. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997.

Спасенкова И. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Вологда, 1999.

Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

Успенский Вышенский монастырь. Выша, Рязанская область: Библиотека Вышенской пустыни, 2017.

Федотов А.В. Крестьянская община в Тульской деревне периода нэпа (1921–1928 гг.). Автор. дисс. канд. ист. наук. Тула: ТГПУ, 2011.

Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 86–105.

Циткилов П.Я. Советская патриархальная семья в 1930-е годы // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2. С. 327–390.

Циткилов П.Я. Советская семья в довоенный период: историко-социологический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017.

Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994.

Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань: Изд.-во Казан. ун-та, 1970.

Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века // Учёные записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М.: Индрик, 2000.

Sources

Esenin, S.A. (1923) “Mne ostalas’ odna zabava...” [I was left with just one fun ...] [http://esenin.eu/mne-ostalas-odna-zabava/, access from 01.05.2017].

GARO — State archive of the Rostov oblast.

F. R-1485.

GAVO — State Archive of the Voronezh Region.

F. R-2565.

TsDNIRO — Documentation center of the modern history of the Rostov region.

F. 4.

TsDNOO — Documentation center of the recent history of the Orenburg region.

F. 1.

The newspaper Molot is organ of the North Caucasus and Don District Committee of the CPSU (B) and the Donetsk Regional Executive Committee. 07.03.1926, 25.03.1926.

The newspaper Molot is the organ of the North Caucasus Regional Committee and the Doncam of the VKP (b), the regional executive committee, the Donispolkom and the kraisovprof. 28.02.1929.

Magazine "Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church" — central organ of the renewal synod. 1925. № 1, 1926. № 7(3), 1927. № 2(15).

Magazine "Power of the Soviets" — is the ten-day printed edition of the All-Russian Central Executive Committee. 1933. № 6. P. 5–8.

Magazine "The Women-Worker of the North Caucasus" — a printed paper of the Department of North-Caucasus. The Regional Committee of the RCP (B.) For women among workers and peasants. 1925. № 6–7. P. 32.

Goskomstat (1998) *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): stat. sb* [Russian population during 100 years (1897–1997)]. M.: Finansy i statistika.

TsSU SSSR (1982) *Narodnoe khoziaistvo SSSR. 1922–1982: iubil. stat. ezhegodnik* [National economy in USSR. 1922–1982: jubilee statistical yearbook]. M.: Finansy i statistika.

TsSU SSSR (1928, 1929) *Vsesoiuznaia perepis' naselenia 1926* [Soviet population census]. Vol. 9, 17. M.

Literature

Alferova, I.V. (2011) "Zhenskii vopros" v teorii i praktike bol'shevizma (pervoe desiatiletiie sovetskoi vlasti. 1917–1927 gg.) [The "women's issue" in the theory and practice of Bolshevism (the first decade of Soviet power. 1917–1927)]. Proposal of dissertation in History. St. Petersburg: St. Petersburg state un-t.

Aralovec, N.A. (2010) "Semeinye tsennosti gorodskikh zhitelei Rossii v XX v." [Family values of urban residents of Russia in the XX century], in A.N. Saharov (ed.) *Trudy Instituta rossijskoj istorii. Vyp. 9.* M.; Tula.

Beglov, A.L. (2003) "Episkopat Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i tserkovnoe podpol'e v 1920–1940-ye gg." [Episcopate of the Russian Orthodox Church and the church underground in the 1920-1940s], *Alpha and Omega* 1(35): 138–155.

Belikova, N.Yu. (2015) "Izmenenie tradicii registratsii braka v pervye gody sovetskoi vlasti" [Change in the tradition of marriage registration in the early years of Soviet power], in *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 2 chastiakh. Ch.1*, pp. 227–229. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

Bolshakov, A.M. (1927) *Derevnia 1917–1927 gg.* [The Village of 1917-1927]. M.: Izd-vo "Rabotnik prosveshcheniya".

Citkilov, P.Ya. (2018) "Sovetskaia patriarkhal'naia sem'ia v 1930-ye gody" [Soviet patriarchal family in the 1930s], Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta 2: 327–390.

Citkilov, P.Ya. (2017) *Sovetskaia sem'ia v dovoennyi period: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Soviet family in the pre-war period: historical and sociological analysis]. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta.

Coleman, H.J. (2000) "Atheism versus Secularization? Religion in Soviet Russia, 1917–1961", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1(3): 547–558.

Cypin, V., protoierei. (1994) *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 1917-1990* [History of the Russian Orthodox Church. 1917–1990]. Uchebnik dlya pravoslavnyh duhovnyh seminarii. M.: Izdatel'skij dom "Hronika".

Fedotov, A.V. (2011) *Krest'ianskaia obshchina v Tul'skoi derevne perioda nepa (1921-1928 gg.)* [The peasant community in the Tula village of the NEP period (1921–1928)]. Proposal of dissertation in History. Tula: TGPU.

Freeze, G. (2017) "Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography", *Russian history* 44: 1–24.

Freeze, G.L. (2012) "Vsia vlast' prikhodam": vozrozhdenie pravoslaviia v 1920-e gg. ["All power to the parishes": revival of Orthodoxy in the 1920 s], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. № 3–4 (30): 86–105.

Gubkin, O. (2006) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pod igom bogoborcheskoi vlasti v period s 1917 po 1941 gody* [The Russian Orthodox Church under the God-Fighting Power in the period from 1917 to 1941]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaia Pravoslavnaia Duhovnaia Akademiia.

Kurliandskii, I.A. (2013) "Uzhestochenie bol'shevistskikh gonenii na religiiu vo vtoroi polovine 1920-kh gg. Osnovnye cherty iavlenii" [Tougher Bolshevik persecution of religion in the second half 1920's. The main features of the phenomenon]. Doklad na nauchno-politicheskoi konferentsii v Gosudarstvennoj Dume "Rol' bol'shevikov i ikh liderov v razrushenii natsional'nogo edinstva v Rossii", 26.06.2013, "Russkaia linia" [https://rusk.ru/st.php?idar=61688, accessed on 03.03.2018].

Mazyrin, A., Filippov, A. (2012) "Sovetskaia vlast' VS Tserkov'" [Soviet authorities VS Church], Pravoslavie i mir, 29.12.2012 [https://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee/, accessed on 29.10.2018].

Miroshnichenko, M.I. (2016) *Zhenshchiny na Urale v 1920-ye gg. — seredine 1930-kh gg.: struktura sotsiuma, mirovozzreniye, deiatel'nost'* [Women in the Urals in the 1920s — mid 1930s: structure society, worldview, activity]. Proposal of dissertation in History. Chelyabinsk: South-Ural State University.

Mikhailov, S. (2005) *Gosudarstvennaia antitserkovnaia politika v Arhangel'skoi gubernii (1920-e gody)* [State anti-church policy in the Arkhangelsk province (1920s) years)]. [http://arhispovedniki.ru/library/research/1332/, access on 06.09.2017].

Mikhailova, M.V. (2003) "Sem'ia i byt v predstavleniiakh naseleniia Yevropeyskoi chasti Rossii v 1920-ye gody" [Family and life in the perception of the population of the European part of Russia in the 1920s]. Proposal of dissertation in History. M.: MPGU.

Thatcher, I.D. (2006) "Communism and Religion in Early Bolshevik Russia: A Discussion of Work Published Since", *European history quarterly* 36(4): 586–598.

Nikitin, A.V. (2014) "Orenburgskaya yeparkhiya v 1922–1938 gg." [Orenburg Diocese in 1922–1938], in prot. Nicholas Stremsky (ed.) *Pages of Orenburg history Diocese*. Saraktash: Holy Trinity Simeon's Convent of Mercy.

Noskova, A.V. (2005) "Sotsial'nye izmeneniia instituta sem'i v doindustrial'noi Rossii: istoriko-sotsiologicheskii analiz" [Social changes in the institution of the family in pre-industrial Russia: historical sociological analysis]. Proposal of doctor dissertation in Sociology. M.: Ros. gos. soc. un-t.

Orlov, I.B. (2010) “Sovetskaia povsednevnost’: istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia” [Soviet everyday life: historical and sociological aspects]. M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki.

Rodin, J., Pelle, A. (2014) “Ottsovstvo skvoz’ vremia i prostranstvo s aktsentom na Rossii” [Paternity through time and space with an emphasis on Russia]. [http://issuu.com/m-library/docs//22, access from 23.09.2017].

Slezin A.A. (2013) “Sovetskoe gosudarstvo protiv religii: ‘ottepel’’ serediny 1920-kh godov” [The Soviet state against religion: the “thaw” of the mid-1920 s], in Yuridicheskie issledovaniia 2: 37–73.

Smolich, I.K. (1997) “Russkoe monashestvo, 988-1917; Zhizn’ i uchenie startsev: [Sbornik]: Pril. k „Istorii Russkoi Tserkvi“”: per. s nem. [Russian monasticism, 988–1917; Life and teachings of the elders: [Collection]: Appendix “History of the Russian Church”: translated from German]. M.: Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”.

Spasenkova, I. (1999) *Pravoslavnaia traditsiia russkogo goroda v 1917-1930-e gg. (na materialakh Vologdy)* [The Orthodox tradition of the Russian city in the years 1917-1930 (on materials of Vologda]. Proposal of dissertation in History. Vologda.

Strumilin, S.G. (1982) *Problemy ehkonomiki truda* [Problems of labor economic]. *Uspenskii Vyshenskii monastyr’* [Uspensky Vyshensky Monastery] (2017). Vysha, Ryazanskaia oblast’: Biblioteka Vyshenskoi pustyni.

Shishkin, A.A. (1970) *Sushchnost’ i kriticheskaia otsenka “obnovlencheskogo” raskola Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Essence and critical assessment of the “renovation” schism of the Russian Orthodox Church]. Kazan: Izd.-Kazan. un-ta.

Shkarovsky, M.V. (2000) “Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX veka” [Renovation Movement in the Russian Orthodox Church in the 20th Century], in *Uchenye zapiski Rossiiskogo Pravoslavnogo Universiteta ap. Ioanna Bogoslova. Vyp. 6. Tserkovnaia istoriia XX veka i obnovlencheskaia smuta*. M.: Indrik.